

Хорошие советы

«Мать Этери кричала: чтоб Кока не смел убивать живое существо! Никакое! Никогда!» Кока хорошо воспитан, да только «целыми днями занят поисками де-нег и отравы».

На воле раскоронованный вор Нугзар советует: «Бросай кайф. Ты слишком честный для этого!» В тюрьме Нугзару вторит коронованный вор Тархан: «Отсидишь свое – уезжай в Тбилиси, книги читай или, чего доброго, пиши – в зоне много чего увидишь, на роман наберется».

Пора Коке прислушаться... Но читатель уже знает Коку...

Постепенно узнаем о методах доставки, употреблении, ломках, запахах, вкусах и ощущениях. И вроде не все так мрачно. Настоящая грузинская история – праздник рассказчика и его гостей, такую рассказывают сочно, жестикулируя и вставляя нужные словечки. Кока иронизирует, «пряча за смехом и шутками мысли о мрачном будущем. При перевозке главное – не быть худым, небритым, с красными глазами, потным лбом, трясущимися руками и в кайфе». Только такие и возят, смеется читатель.

Друзья Коки «добрые философы-бездельники снимают похмелье йогуртом» и «имеют письменный запрет на двухнедельное посещение всех борделей Голландии». Дружба связана лекарством и предательством.

«На Тибете живет суровая живая богиня Кумар: когда она кричит – жди болезни, когда трет глаза – смерть вблизи, когда плачет – тюрьма неизбежна, когда дрожит – холод ожидает всех».

Путь вниз легко прослеживается по локациям передвижения Коки: КПЗ в Тбилиси, номер в амстердамском отеле у бандитов, очередь за лекарством в центре реабилитации в Германии, тюрьма и карцер. Понятно, что дальше. «Чернявый коп начал резко поднимать и опускать руки Лясика – никакого движения на сиреневатом лице, кроме безмятежного замкнутого счастья... Наваливалость отупелое безразличие: “Все умрем – ну и что?”»

Аллегории из жизни животного мира

«Почему-то всплыл рассказ бабушки Меи-бэбо о том, как сталинские палачи тащили поэта Тициана Табидзе с перебитыми руками и ногами с одного пыточного допроса на другой, а он кричал в отчаянии на всю тюрьму: “Обезьяны, я вашу мать... Зачем вы превратились в людей?..”»

Сравнение животного и человеческого – лейтмотив. «Преступный мир жесток, как жизнь в саванне. Кока не хищник: «какой из него рaptor? Травоядное копытное. Или вообще падалщик...»

Всюду иносказания: «Тяга к воде превосходит страх смерти, поэтому хищники стерегут добычу возле рек» – бандиты ждут Коку в амстердамском отеле. В главе под названием ELYSIA CHLORATIKA (т. е. медуза) Кока думает – отдать деньги другу или предать его все за тот же кайф.

«Кто и зачем сделал кротов гермафродитами, а пингвинов – педерастами?.. Кто раздавил и сплющил камбалу и ската?..» – глупо и поверхностно, задорно и весело. Бесконечные вопросы создают ощущение одновременной значимости и бессмыслицы жизни: «Человек – ничтожная пылинка в бескрайней Вселенной. Зверь счастливее, ибо не знает, зачем родился. Акула, если остановится, тут же пойдет ко дну – а он далеко не акула и давно уже на дне».

Лишайная кошка Кесси, на которую не обращаешь внимания, когда трется о твои ноги, – символ европейской жизни Коки. В тюремной камере «мирно шебуршит в банке Крытмиж», подкармливаемый крошками домашний таракан с кли-

кухой Граф. В соседней камере у параша жрет объедки других эзков опущенный Придурок. Его, как и Графа, можно раздавить.

В повести, написанной Кокой, Иешуа воскрешает убитую собаку, а евангелиста Луку спасает бык, убивший центуриона.

Ложная гордость

О Сталине говорит Кока и бабушка Меи-бэбо, европейские друзья Коки и эзки в камерах.

Начинает казаться: все, чем гордятся грузины, – кухня, воры в законе и Сталин.

Да и сам Сталин по описанию – вор в законе: *«Эх, как Иосеб Бессарионович скончался, так и воровской мир треснул! Сосо! Вот кто воров в рамке был, да еще каким! Нищий был! Настоящий коммунист! Когда умер, три пары стоптанных сапог и на сберкнижке тринадцать рублей оставил».*

У воров, как у джедаев из «Звездных войн», страх убивает разум: *«Быть вору богатым нельзя – богач боится всегда и всего: пули, измены, подлога, бедности, тюрьмы, зависти, друзей и врагов!»*

Вежливые грузинские воры знают, как с кем разговаривать. Одна проблема: многие из них морфинисты!»

К ложной гордости отнесем и национализм: *«Русские грубы. Сам тон, каким они разговаривают, хамский, про слова уж не говорю!.. без нужды не связывайся... все русские нэ-прэд-ска-зу-эм-ыэ! Гагик-джан, ты хоть и подлый армяшка, но хороший человек! Бабушка доверяет только еврейским врачам: “Они одни имеют истинное сострадание к людям, потому что сами много страдали!” Мой кент грузинцев любил, говорил: “Они хорошо умеют пять вещей: пить, есть, петь, танцевать и любить”».*

Где-то в тексте затерялось предсказание «из девяностых»: *«Народ побунтует лет десять, а потом править будет новый Сталин».*

Чем на самом деле гордятся грузины

«О, сололакский двор! Он – и высший судия, и щедрый наградитель, и вероучитель, и наказыватель...» – вот где истинная гордость грузина: *«Никакой Англии и Америки и в помине не было, когда у нас в Сололаки цвели сады!..»*

После холода Европы даже портреты знакомых людей ярче и сочнее в родном Тбилиси! Может, потому, что Кока завязал?

В Грузии война (из-за нее понимаешь, *«человеку мало надо: хлеб, вода, свет!»*) и царит сожаление: от старого Тбилиси, где все *«готовили постоянно, целыми днями... и жареная картошка, премия для всех детей мира, каждый день распускала свой неповторимый аромат»*, – не осталось и следа.

Тбилиси для Коки – бабушка. Самые теплые воспоминания и мысли в романе отданы ей. Но и здесь налицо дуализм тихой авторской позиции: бабушка – тбилисская интеллигентка – научила Коку быть вежливым (*«Да будешь вежливым, имея такую бабушку!»*), и вышел из Коки вежливый вор в законе. Почти вышел.

Немного о стиле

Если кратко, в тексте наркоманский фольклор плавно перетекает в тюремный.

Главный герой, имея хороших учителей, на глазах становится носителем этого языка: *«Вместо “спасибо” говори “благодарю”, “признателен”, вместо “пожалуйста” – “по возможности”. Нельзя “спрашивать”, надо “интересоваться”.*

Вместо “я докажу” – “я обосную”. Не “свидетель”, а “очевидец”. Крайне осторожно надо быть со словом “обидеть”, ибо “обиженные” – это первый шаг в стан опущенных. И никому не говорить “вы” – только “ты”, хоть ему сто лет в обед».

Автора подмечаешь лишь в мелочах, например, когда «он делал ей праславянские комплименты; мысли расплзались, как муравьи от кипятка; страх – как главный шар в бильярде: бьет прямо в треугольник мыслей» или герой сидит, «не слушая рассыпчатой болтовни».

Языком Бахтина, стиль выражен через «чужое слово». Вот только идентифицировать персонажей трудно. Друг Коки – русский москвич Лястик – почему-то разговаривает как грузин, а тбилисский Кока кажется москвичом.

Тюремный реализм

«Кока вдруг услышал тюрьму: из-за железных дверей доносились вскрики, смех, щелчки нардов, обрывки голосов. Там шла неведомая и пугающая тайная жизнь; камера во сне сопела, чмокала, повизгивала, всхрипывала, пробормотывала какие-то слова... и было что-то родное, близкое в этих звуках – словно спишь в пионерлагере».

«Своими ногами из рая в ад приперся». Европа, даже Грузия, будто сон, а тюрьма – будто единственная реальность в книге, может, оттого, что в тюрьме всего мало и все замечаешь. Обретают новую силу воспоминания: «...в полудреме на ум приходил родной город, который он скоро, через три года, увидит, и мирные разговоры с бабушкой за чаем с блинчиками». Наконец начинаешь ценить жизнь.

Европейское выживание Коки – «обманывать, мошенничать, побираться, приторговывать» – в тюрьме кажется смешным. «Если в общей хате кто мимо пройдет и что-нибудь бросит, ни за что не поднимай!» – тюрьма – это как войти в «хату» и как там выжить.

«Три обезьянки стоят у бабушки на комод, подарок дяди Родиона из Лхасы, когда дядя Родион ходил на Тибет» – три главные заповеди тюрьмы: «ничего не слышал, не видел, не скажу».

После останется привычка «делить людей по воровскому принципу: на плохих и хороших». В тюрьме понимаешь: «самое главное для человека – быть одному, а в тюрьме, видно, этого никогда не будет». А за тюремной маячит зона и самое страшное для интеллигента Коки: «работа с утра до вечера!».

На зоне все косят под воров. И Кока оброс тюрьмой, того и гляди сам станет воров... Но спасла мама.

Бог-лекарство и Бог-свобода

«Кока с детства постоянно слышал от всех: “ради бога”, “слава богу”, “не дай бог”, “бог дал – бог взял”, “богу богово”, “одному богу известно”, “божья милость”, “у бога под боком”, “боже мой”... И думал: к кому они обращаются? И лишь в тюрьме Кока впервые в жизни от всей души пожелал: “Господи, помоги!” – украдкой касаясь Библии под подушкой».

Как Блаженный Августин всю «Исповедь» ищет Бога, Кока две трети романа ищет себе лекарство, а оставшуюся треть – свободу.

Сатана в книге определен – это бытие в небытии! А еще есть реальный бандит Сатана – главный антигерой. Опять дуализм.

Основа пути к Богу в тюрьме – смирение с судьбой. А Бог – «небесный вор в полном законе или всевышний Кум». Из тюрьмы Кока привезет Библию и сядет писать свое Евангелие.

